

## НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИЗМ: ОТ КОСМОПОЛИТИЗМА И. КАНТА К НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЗМУ И. ФИХТЕ И Г. ГЕГЕЛЯ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет,  
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Показано существенное отличие взглядов И. Канта по национальному вопросу от взглядов его непосредственных последователей в лице И. Фихте и Г. Гегеля. Это актуально не только потому, что специфический подход мыслителя к решению данного вопроса крайне редко становится предметом особого рассмотрения, но и в связи с тем, что национальный вопрос резко обострился сегодня вследствие кризиса мультикультурного проекта в самых развитых европейских государствах. В данном контексте достаточно интересно обратиться к классикам немецкого идеализма, особенно учитывая то, что именно кантианство вызвало к жизни современную идею космополитизма, которая нуждается в серьезном переосмыслении. Определенное внимание уделено национал-патриотизму И. Фихте, ставшему фактическим создателем германского национального манифеста, идеи которого впоследствии использовались в радикально-националистическом ключе, а также творчеству Г. Гегеля, продолжившему развитие национал-патриотической традиции в немецкой философии и сделавшему пародийный и даже устрашающий акцент на апологию немецкого языка.

**Ключевые слова:** национальный вопрос; кризис европейского проекта мультикультурализма; И. Кант; И. Фихте; Г. Гегель; космополитизм; национал-патриотизм; немецкий язык.

## GERMAN IDEALISM: FROM KANTIAN COSMOPOLITISM TO NATIONAL PATRIOTISM OF FICHTE AND HEGEL

T. G. RUMYANTSEVA<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University,  
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The essential difference between I. Kant's views on the national question from those of his immediate followers J. Fichte and G. Hegel is traced. The issue is actual not only because a specific thinker approach to its solving is rarely seen as the subject of special consideration but because the national question has become burning due to the crisis of the multicultural project in most developed European countries. In this context the works of the classics of German idealism are interesting enough to apply to, keeping in mind that it was Kantianism that gave rise to a modern idea of cosmopolitanism which needs serious rethinking. A definite attention is paid to national patriotism of J. Fichte who became the founder of the German national manifesto whose ideas were later used in a radically nationalistic way, as well as the works of G. Hegel, who continued the development of national-patriotic tradition of German philosophy and made a parody and even frightening focus on the apology of the German language.

**Key words:** national question; crisis of the European project of multiculturalism; I. Kant; J. Fichte; G. Hegel; cosmopolitanism; national-patriotism; the German language.

### Образец цитирования:

Румянцова Т. Г. Немецкий идеализм: от космополитизма И. Канта к национал-патриотизму И. Фихте и Г. Гегеля // Социология. 2016. № 4. С. 47–51.

### For citation:

Rumyantseva T. G. German idealism: from Kantian cosmopolitanism to national patriotism of Fichte and Hegel. *Sotsiologiya*. 2016. No. 4. P. 47–51 (in Russ.).

### Автор:

**Татьяна Герардовна Румянцова** – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета филологии и социальных наук.

### Author:

**Tatsiana Rumyantseva**, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.  
TR30@mail.ru

Сегодня в новейшей философской литературе все чаще звучит мысль о том, что И. Канта не следует, как это традиционно считалось, рассматривать в качестве основоположника немецкого классического идеализма и той исторической формы диалектики, с которой эта философская традиция обычно ассоциируется. Несмотря на то что последователи И. Канта при построении собственных философских учений действительно во многом отталкивались от его идей и придерживались ряда общих с ним и довольно существенных принципов, мыслителя все же *нельзя* ставить в один ряд с И. Фихте, Ф. Шеллингом и Г. Гегелем. Аргументировать данный тезис можно, сделав акцент на особом характере кантовского идеализма и специфике разработанного им «проекта “реформы метафизики”, который был отвергнут его ближайшими последователями, осуществившими “перерождение метафизики” на диалектической основе» [1, с. 178].

Есть еще один чрезвычайно важный вопрос, освещение которого в кантовских работах также в значительной мере дистанцирует мыслителя от его ближайших последователей, особенно в лице И. Фихте и Г. Гегеля. И здесь в качестве своего рода отправного пункта следует, на наш взгляд, сослаться на одно из высказываний известного советского философа М. К. Мамардашвили, который, в частности, писал: «После Канта начинается эпоха для меня отвратительная, эпоха собственно немецкой философии. Кант в этом смысле не немецкий философ. Это не значит, что он не мыслил внутри немецкого языка. <...> Но в его времена еще не было понятия «нация» и тем более не было национал-философов, то есть идеологов, которые под барабанный бой своих фраз хотели вести вперед народы, *свои народы*» [2, с. 121].

Именно на этом моменте, характеризующем существеннейшее отличие взглядов И. Канта от тех, которых придерживались, в частности, И. Фихте и Г. Гегель, следует остановиться в рамках данной статьи более подробно. Это важно не только потому, что специфический подход мыслителя к решению – назовем это так – «национального вопроса» крайне редко становится предметом особого рассмотрения в посвященной его творчеству литературе, но и в связи с тем, что этот вопрос резко обострился сегодня в результате провала мультикультурного проекта в самых развитых европейских государствах, которые гордились своей толерантностью и политкорректностью. Серьезным вызовом, с которым уже столкнулись эти страны и который, по-видимому, в недалеком будущем ожидает и другие государства, становится их неспособность интегрировать так называемый инокультурный элемент и добиться гармоничного взаимодействия различных религий и культурно-этнических сообществ. В этом контексте достаточно интересно обратиться к классикам немецкого идеализма, особенно учитывая, что именно кантианство вызвало к жизни современную идею универсализма и космополитизма как самую высокую идею, какую только человек может иметь о своем предназначении, испытывая при этом чувство энтузиазма. Идею, которая претерпевает сегодня пору кризиса и нуждается в серьезном переосмыслении.

Начнем с того, что проследим отношение И. Канта к своему немецкому народу, а также к основным цивилизованным народам, населявшим Европу того времени, и тем так называемым малоцивилизованным народам, о которых уже было известно его современникам. И. Кант всегда считал себя немцем, но гордился этим без тени самодовольства. Так, в своей ранней работе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), а затем в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) он дал блестящую характеристику национальному характеру европейских и ряда других народов, нигде при этом не превознося своих соотечественников. К числу *самых цивилизованных* народов на земле он относит англичан и французов, делая при этом замечательную ремарку: «Самой собой понятно, что при этой классификации нет речи о немецком народе, ибо это была бы похвала автору, который сам немец, т. е. это было бы самохвальством» [3, с. 563]. Наделяя немцев честностью и домовитостью, свойствами, которые, однако, «не ведут к блеску», он в то же время замечает, что «из всех цивилизованных народов немец легче всего и продолжительнее всех подчиняется правительству, под властью которого он живет, и больше всех далек от жажды перемен и сопротивления существующему порядку» [3, с. 570].

Достаточно высоко философ оценивает в этих работах особенности национального характера так называемых нецивилизованных народов, особенно индейцев – аборигенов Северной Америки. Правда, характеризуя африканских негров, он в духе предрассудков своего времени, а также ссылаясь по большей части на работы Д. Юма, отказывает тем в «проявлении каких-либо талантов» и отмечает «значительное различие между двумя этими расами (белой и черной. – Т. Р.)» [3, с. 572]. Что же касается России

и ее народа, то философ полагал, что она «еще не то, что нужно для определенного понятия о природных задатках, готовых к развитию» [3, с. 572]. Все это свидетельствует о том, что И. Кант не был ни расистом, ни национал-патриотом, тем более что он всегда отстаивал принцип единого происхождения человеческих рас.

Сегодня многие считают немецкого мыслителя одним из провозвестников современной идеи космополитизма, так как именно он поставил интересы человечества в целом гораздо выше интересов отдельной нации или государства и фактически открыл новую эру в международных отношениях, праве и морали. В своей работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) он утверждал, что в будущем интересы всех народов нацелятся на свободный обмен идеями и знаниями, на смену враждебности придет «всеобщее гостеприимство». Он ратовал за создание свободной конфедерации республик, признание всеобщей человеческой идентичности и всеобщих прав человека, а также высказывал мысль об общей судьбе рода человеческого и его будущем «всемирно-гражданском» устройстве [4, с. 15, 19]. Эти идеи получили затем гениальную развертку в его трактате «К вечному миру» (1785), где он также отстаивал идею права всемирного гражданства и единства человечества как одной из важнейших «внутренних целей» всемирной истории.

Сегодня в контексте осмысления кризиса проекта европейского мультикультурализма, оспаривающего идею культурного универсализма, чрезвычайно актуальна идея И. Канта о том, что способность иметь свои корни не должна препятствовать тому, чтобы развиваться и действовать совместно с другими во имя будущего, что каждый должен уметь посмотреть на себя с точки зрения всемирной истории, целью которой является совершенствование человека и человечества. И эта цель, по И. Канту, не имеет своего завершения, являясь, по словам уже другого немецкого философа Э. Гуссерля, «бесконечной задачей человечества».

Отказываясь от идеи И. Канта об универсальном предназначении человечества, современная Европа во многом потеряла и те цели, о которых он писал. Об этом свидетельствуют слова французского исследователя М. Кастилло: «Целенаправленность западной культуры переживает кризис. <...> Цивилизация сводится к процессу, который скорее претерпевают, а не желают: производить и потреблять – это и есть процессы, их нельзя считать целями культуры» [5, с. 395].

Совсем по-другому вопросы, связанные с национальной тематикой, рассматриваются в творчестве ближайших последователей И. Канта – И. Фихте и Г. Гегеля, которые сменили универсалистско-космополитический вектор на национально-патриотический. Разумеется, истоки столь радикальной мировоззренческой переориентации не следует искать только в сугубо личных пристрастиях и предпочтениях этих мыслителей. Здесь важно вспомнить ставшую крылатой фразу Г. Гегеля о философии как «современной ей эпохе, постигнутой в мышлении». Так, при переходе от работ И. Канта к трудам И. Фихте и Г. Гегеля, а затем и немецких романтиков радикально меняется сама «современная» эпоха: в раздробленной полиэтнической стране начинает формироваться германская нация, возникает и сам термин «национализм». Отсюда нельзя вычестить и наполеоновские войны начала XIX в., что в совокупности и обусловило столь резкие перемены в решении социально-политических, в том числе и связанных с национальной тематикой, вопросов.

Истоки национализма, носителей которого в Германии М. К. Мамардашвили называл «национал-философами» или «национал-идеологами», неслучайно связывают с именем И. Фихте. Ученый стал одним из основателей национальной идеи и хранителем национального самосознания германского народа. Своего рода национальным манифестом немцев принято считать его «Речи к немецкой нации» (1807–1808), написанные и обнародованные в оккупированном Берлине. Работа посвящена анализу условий возрождения и обретения самостоятельности нации, попавшей под иноземное культурное и политическое господство. Однако сам пафос «Речей...», то, как возвышенно и пламенно говорит философ о культурной миссии своего народа, – все это впоследствии приведет к использованию ряда высказываний И. Фихте в радикально-националистическом ключе. Более того, некоторые усмотрят в «Речах...» истоки национал-социалистских идей 1930–40-х гг.

Однако здесь следует помнить о том, что данное произведение И. Фихте было своеобразной реакцией на наполеоновскую оккупацию Германии, в условиях, когда политическая, административная, культурная и даже языковая самостоятельность у немецкого народа были насильственно отняты. Вряд ли можно целиком и полностью согласиться с оценками М. К. Мамардашвили, гневно обличившего в лице И. Фихте

всех кантовских последователей, назвав их «национал-философами» и «национал-идеологами». Скорее, сам факт призыва к национальному возрождению в столице захваченного врагом государства следует расценивать как личный подвиг философа, попытавшегося глубоко осмыслить национальное как стихию, как нечто, прямо связанное с метафизическими глубинами бытия человеческого духа. Ни в коей мере не упрощая философскую глубину идей И. Фихте, не сводя их только к политико-педагогическим и уж тем более чисто националистическим мотивам (хотя и совсем игнорировать эти мотивы не представляется возможным), в работе «Речи к немецкой нации» можно увидеть ряд идей, значимых и сегодня. Имеются в виду нации, которые полностью или частично утратили основы своей идентичности. И. Фихте прямо говорит о необходимости осознания национального единства, целей и интересов нации, глубоко нравственных и свободных от эгоистических соображений. Большое внимание он отводит духовному (нравственному и религиозному) воспитанию юношества. Важно, чтобы все осознавали себя единым народом именно в этом, духовно-нравственном, смысле. Кстати, само понятие национальности («немецкости») было для философа не этническим и не политическим, а мировоззренческим, связанным не «немецкой кровью», а «живой изначальной духовностью».

Большое место в своей работе И. Фихте отводит роли языка. Именно его он считает средоточием национальной особенности и стихией духовной жизни народа. Философ указывает на то, что смерть языка, превращение его в мертвый язык чрезвычайно пагубно сказывается на всей духовной жизни и исторической судьбе народа [6, с. 65–68]. Многие из его положений и сегодня звучат необычайно актуально в контексте поиска тех «духовных скреп», которые содействуют сохранению национальной идентичности. Всячески выступая против каких-либо насильственных средств национального возрождения, И. Фихте призывает к патриотической сознательности, преодолению культурной «иностраницы», национальному единению, выработке общественного мнения по важнейшим вопросам жизни. Кстати, немецкая цензура, будучи вассалом французских властей, отказала философу в публикации этого произведения, «потеряв» к тому же текст очень важной для него последней речи.

Впоследствии немецкие нацисты многое сделают для того, чтобы риторически упрощенно представить «Речи к немецкой нации», превратив их в цитатник для солдат Третьего рейха (та же судьба была уготована текстам Ф. Ницше и О. Шпенглера), представив их автора как исключительно проповедника прусского национализма и фанатика «пангерманства».

Разумеется, нельзя, как уже отмечалось, отрицать и преувеличенный национальный пафос «Речей...», и то, что И. Фихте подчеркивает ключевую роль немцев в мировой истории, и другие идеи в таком же духе [6, с. 103–119]. И все же, памятуя о национальном унижении, культурном и политическом подчинении наполеоновским властям, а также о последующем национальном возрождении и объединении Германии в 1970-е гг., следует правильно слышать подлинный пафос этого произведения. Что и сделала, кстати говоря, часть немецкой образованной публики, сознательно обращенной при этом к проблемам национальной культуры, духовного своеобразия нации. Среди этой публики был и И. Гёте, похваливший «Речи...», в особенности их чудесный стиль. Как отмечает переводчик произведения на русский язык А. К. Судаков, он задумал и осуществил свой перевод для того, чтобы «Фихте-педагог и публицист, Фихте-теоретик национальной идеи мог вновь стать собеседником мыслящих русских людей в “выработывании общественного самосознания”» [6, с. 65–68].

И наконец, немного о Г. Гегеле. Его творчество пришлось также на период опустошительных наполеоновских войн и оккупации Германии и в гораздо большей мере на годы бурного национального возрождения Прусского государства, в условиях которого его учение будет официально признано единственной духовной силой этого ренессанса. Поэтому вслед за И. Фихте он фактически продолжает развитие национал-патриотической традиции в немецкой философии, сделав, однако, акцент преимущественно на апологию немецкого языка, которая, по словам российского исследователя А. Н. Круглова, примет впоследствии «пародийный и даже устрашающий характер». Неслучайно К. Поппер назовет его «первым официальным философом пруссачества в период феодальной “реставрации” после наполеоновских войн» [7, с. 38].

В берлинский период своей деятельности (1818–1831) Г. Гегель и в самом деле проникся духом государства, которое стало для него теперь божественной идеей на земле, благодаря которой человек вообще получает всякую духовную действительность. Абстрагируясь от ряда положений главной работы этого периода, «Философии

права» (1821), в которой мыслитель буквально идеализирует прусское государство, обратимся к тем его идеям, которые можно использовать как своего рода аргумент, свидетельствующий о национал-патриотизме автора.

Особый интерес здесь представляет «экзотерическая» часть его работы «Энциклопедия философских наук», включающая речь, произнесенную им при открытии лекций в Берлине 22 октября 1818 г., а также отдельные выдержки из «Лекций по истории философии» и «Лекций по философии истории». В контексте обоснования им истинного места философии как *центра всей духовной культуры* прусского государства того времени и его борьбы за независимость и духовную свободу здесь, по словам Г. Гегеля, якобы и возникла подлинная почва философии. «Философия нашла себе убежище в Германии и живет только в ней» [8, с. 81]. Более того, развивая эту фразу, мыслитель провозглашает *исключительное право немецкого народа на обладание философской истиной*. Здесь же он говорит и об исключительном философском потенциале немецкого языка, превосходстве немцев в деле разработки философии, о невозможности изложить ее на каком-либо другом языке. «Состояние этой дисциплины и смысл понятия “философия” у других народов показывают, что название, правда, у них сохранилось, но получило другой смысл и сам предмет захирел и исчез, так что от него едва осталось воспоминание или смутное представление» [8, с. 81].

Эти установки были заложены Г. Гегелем и в основу его историко-философской и философско-исторической концепций, где фигурируют только два «философских народа» и два «исторических народа» – греки в прошлом и немцы в настоящем. Его философия истории открыто провозглашает исключительную роль германского мира, который являет собой высшее воплощение непрерывного нравственного и культурного прогресса человеческого рода, составляя период подлинной зрелости, расцвета, возвращения к себе и устранения всех форм отчуждения. Такого рода воззрения философа были тесно связаны с формированием германской национальной государственности, находившейся тогда на подъеме и явно требовавшей идейного обоснования этого сложного и мучительного процесса.

Однако было бы неправомерно проводить параллель между национально-патриотическими идеями философов – последователей И. Канта, способствовавших развитию национального самосознания немцев, их национальной культуры, системы образования, и тем радикальным национал-шовинизмом и национал-социализмом, которые возьмут верх в Германии в 1930-е гг.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Панафидина О. Н. Трансцендентализм И. Канта и немецкий идеализм (к вопросу о некоторых стереотипах экспликации кантовской теоретической философии) // *Вопр. философии*. 2011. № 4. С. 177–186 [Panafidina O. P. Transcendentalism of Kant and German Idealism. *Vopr. filos.* 2011. No. 4. P. 177–186 (in Russ.)].
2. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации // *Квинтэссенция : филос. альм.* / под ред. В. И. Мудрагея. М., 1992.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
4. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
5. Кастилло М. Космополитизм Канта сегодня // *Иммануил Кант: наследие и проект* / под ред. Н. В. Мотрошиловой. М., 2007.
6. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации (1808). М., 2008.
7. Поплер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.
8. Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. СПб., 1975. Т. 1.

Статья поступила в редакцию 02.09.2016.  
Received by editorial board 02.09.2016.